

ПЕВЕЦ УДАРНОГО ТРУДА

Труд занимает в произведениях М. Горького почетное место. Иначе и не может быть. Связанный с трудовыми книзами, Горький наблюдал труд, видел людей различных профессий.

«Наблюдал»—это не совсем точно. Горький сам был человеком труда. Он сам сгибался в три погибели, чувствовал гнет хозяев и видел страдания людей, закованных в цепи рабства. Горький преодолел на своем пути монтаны трудностей. Ценой огромного упорства и напряженного труда он поднялся на вершину культуры. И Горький полюбил труд, являющийся источником многогранного творчества. Но Горький возненавидел тех, кто насилует труд и надевает на него цепи. Уже первые его рассказы проникнуты симпатией к эксплуатируемым и ненавистью к «верхним десяти тысячам». Разве можно забыть хотя бы вот это место:

«Нас было двадцать шесть человек—двадцать шесть живых, машин, запертых в сыром подвале, где мы с утра до вечера месили тесто, делая крендели и сушки. Окна нашего подвала упарались в яму, вырытую перед ними и выложенную кирпичом, зеленым от сырости. Рамы были заграждены снаружи частой железной сеткой, и свет солнца не мог пробиться к нам сквозь стекла, покрытые мучной пылью. Наш хозяин забил окна железом для того, чтобы мы не могли дать кусок его хлеба нищим и тем из нищих то варищей, которые, живя без работы, голодали. Наш хозяин называл нас жуликами и давал нам на обед вместо мяса гухлую требуншу».

Некоторые критики приписывают Горькому незнание фабрично-заводской среды и слабое знакомство с рабочим бытом. Горький же уделяет мало внимания описанию конкретных условий труда, мало интересуется бытом. Упрек этот явно незаслуженный.

Да, Горький не является писателем-бытовиком в эмпирическом значении этого слова. Натурализм—не его метод. Но как подлинный художник, он умеет немногими штрихами создавать яркие, запоминающиеся картины. Натуралистической живописи он предпочитает сжатый, яркий рисунок, нудному бытописательству—броскую выразительную деталь.

Главное—описание труда, рабочего быта проникнуто у Горького идею революционера, штурмующего старый мир. Наблюдая каторжную работу грузчиков, Горький замечает: «Добры смешны длинные вереницы грузчиков, несущих на плечах своих тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка».

Уже эта деталь говорит нам о том, что перед нами пролетарский художник, чувствующий непреходимую пропасть между трудом и капиталом.

В процессе своего сотрудничества с пролетариатом и его партийным авангардом Горький начинает понимать, что выход из положения—в борьбе, в непримиримой, беспощадной борьбе. Горький умел видеть передовых рабочих, проникнутых идеями социализма и революционного наступления. И напрасно Кубиков утверждает, что «как бытописатель рабочего класса, Горький показал нам не переживания наиболее передовых рабочих-социалистов, а тех «промежуточных» социалистов, которые корнями своего быта еще в значительной мере связаны с диким «уездной» Россией. Смысл этого утверждения состоит в том, что Горький не является замечательным пролетарским писателем, что он не является художником революционно-мещанской «уездной» России. Старая меньшевистская песенка! Но вопреки утверждениям Кубикова, Григорьева и других критиков, Горький умело изображал не только «промежуточных» пролетариев, но и рабочих-передовиков. Или Маков не является типом передового социалиста («Мордовка», тот самый Маков, который сохранил в обстановке реакции чистоту революционных помыслов и борется с оккупационной и мещанством? А Павел Власов («Мать»), а рабочие из пьесы «Враги»?

Далее не все рабочие, показанные М. Горьким, овладели учением Маркса. Многие из них руководствуются классовым чутьем, а в речах некоторых не трудно услышать даже идеалистические и мелкобуржуазные ноты. Но важно то, что эти рабочие проникнуты стремлением свергнуть шапку самодержавному строю, что целью их борьбы является уничтожение частной собственности.

Путь Горького—путь пролетарского писателя. «М. Горький, являющийся выразителем еще слабо дифференцированной пролетарской массы, под влиянием быстрого развития пролетариата... превратился в открытого идеолога рабочего класса». (В. Воровский).

Октябрьская революция сделала труд свободным, а рабочих—хозяевами первого в мире социалистического государства.

Горький жадно приглядывается к новому и не без искреннего удивления отмечает у рабочих новое отношение к труду. Свидетель недавнего угнетения рабочего класса хозяевами капиталистами, голодолов, безработицы, Горький приветствует освобожденный труд, поставивший себя на службу революции.

«Поэзия трудовых процессов,—говорит он,—все еще недостаточно чувствуется нашей молодежью, а пора бы стимулировать ее. В Союзе социалистических советов трудятся уже не рабы,

покорно выполняющие приказания хозяев,—в Союзе работают на себя свободные люди».

Эта мысль крепко и настойчиво внедряется Горьким в сознание рабочих, особенно молодых, не видевших, в каких условиях работали их отцы.

«История фабрик и заводов», редактируемая Горьким, в числе других задач ставит своей целью противопоставление каторжному труду при капитализме строительству социализма, свободный труд.

М. Горький постоянно подчеркивает, что труд составляет квинтэссенцию жизни, его главную движущую силу. Труд, по его мнению, должен являться ведущей темой в творчестве ударников. Правильно понять в наших условиях труд, его значение, характер—значит уловить основное и главное в нашей действительности.

Заметим, что труд получает у Горького широкое толкование. Горький предостерегает начинающих литераторов от увлечения техницизмом за счет изображения человека.

«Процессы производства надобно брать широко, не так, как сейчас вы делаете. На любом из заводов, хотя бы на маленьком, происходит творческий процесс. Разум овладевает силами природы для того, чтобы заставить их работать на себя, на человека, на весь мир».

Таким образом труд вырастает в грандиозную проблему, творчески разрешить которую способен идейно близкий нам художник, тесно соприкасающийся с рабочими массами.

Горький не дозволяется провозглашением этих бесспорно важных истин. Он воплощает их в яркие художественные образы и картины. Вспомните его очерки «По Союзу Советов» («Наши достижения»). Основным фоном этих очерков является труд, взятый в разнообразных его проявлениях.

Труд меняет лик земли. Труд, поименный на технику и революционный энтузиазм, творит чудеса.

«На Днепрострое воля и разум трудового народа изменяют фигуру и лицо земли».

Теплый бархат ночи богато расшит, украшен голубым серебром огней, в сумраке стремительно катятся волны Днепра, река точно хочет излиться в море раньше, чем люди возьмут ее в плен и заставят работать на себя. Все вокруг сказочно. Сказочен голубой огонь, рожденный силою падения воды. И сказочен этот крепкий человек, рядом со мною, человек, который изменяет лик земли, такой внешне спокойный, но крепко уверенный в непобедимой силе знания и труда».

Но труд меняет не только фигуру земли, географию—труд переделывает людей, воспитывает в них новые привычки.

Горький вспоминает девяностые годы. По улицам Нижнего-Новгорода пошел первый вагон трамвая. Крестьянские парни, увидевшие трамвай, стремглав разбежались прочь от «чортовой кареты». А теперь? Десятилетный крестьянин Смоленской губернии великолепно владеет машиной. «Среди скал, разодранных взрывами, коренастый парень, густо напудренный пылью, сверлит камень, действуя силой, от которой руки и плечи его непрерывно дрожат крупной дрожью».

Но более разительным является пример с беспризорниками, которые, проработав некоторое время в трудовых колониях, оздоровились и стали дисциплинированными людьми. Вчерашние головорезы, ворышки, сегодня они приносят ощутимую пользу. Из силы угнетающей при капитализме труд превращается у нас в оздоровительную силу, духовно выпрямляющую людей и сообщающую им ряд новых социальных качеств.

Горький любит технику, ее завоеваниями и совершенствованиями. Но техника никогда не заслоняет у него человека. Он прекрасно усвоил значение марксовой формулы: «Из всех орудий производства величайшей производительной силой является сам революционный класс».

«Десятки и сотни рабочих, просвертывая камень берегов Днепра электрическими сверлами, взрывают дрявяную породу жидким воздухом, другие десятки переносят, перегонят с места на место сотни тысяч кубометров земли, землю выкусывают железные челюсти экскаваторов, она кажется легким прахом под руками коллективного человека, который строит для себя новую жизнь».

Этот коллективный человек исполнен чувства гордости и достоинства в сознании добротности совершаемой им работы.

«Было ясно, что рабочие гордятся своим хозяйством и понимают его глубокое воспитательное значение».

С особой симпатией Горький рисует рабочих-передовиков, героев труда, являющихся подлинными вожжами на производстве. Вот один из них—Баринов:

«О своей личной работе он молчит, хотя я уже знаю, что сегодня он с шести часов на промыслах, и это не исключительный день. Он почти не говорит «я».

— Мы строим, мы работаем,—говорит он».

Так вскрывается коллективистическое мироощущение Баринова—человека новой, коммунистической складки. Люди этой породы вызывают к себе пристальное внимание и любовь М. Горького, готового вновь, как и много лет назад, сказать: «Человек—это звучит гордо».

Михаил Беккер.